

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ I

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерского. Спасская ул., № 27

1902

«Бывальщины» минусинскихъ инородцевъ.

У сибирскихъ инородцевъ юга Енисейской губерніи рядомъ съ поэмами, составленными стихотворнымъ размѣромъ, имѣютъ мѣсто разсказы, дающіе характеристики историческихъ лицъ или описание случаевъ изъ ихъ жизни, такъ называемыя грамотными инородцами, въ отличіе отъ сказокъ и пѣсенъ,—бывальщины. Въ то время какъ пѣсни, преданія и сказки передаются изъ рода въ родъ съ стенографической точностью, причемъ буквально не выкидывается изъ пѣсни ни слова, бывальщины въ передачѣ инородческихъ рассказчиковъ далеко не отличаются подобнымъ пуритизмомъ. То и дѣло вплетаются въ разсказъ новые мотивы, новые цветы выдумки и краснорѣчія. Фонъ древней были бываетъ почти сплошь затканъ новыми нитками и изъ-за рисунка современного письма лишь съ трудомъ разбираются изящно-простые контуры изображенія старины.

У качинцевъ Енисейской губерніи мнѣ пришлось слышать нѣсколько разсказовъ о такъ называемыхъ «осилгахъ», богатыряхъ времени прихода русскихъ въ Енисейскую губернію. Рассказчикъ, полушаманъ Капчоровъ вель разсказъ по-русски прекрасной образной рѣчью. Краткость, пластичность разсказовъ, позволяющая съ наибольшей легкостью отдѣлить ядро историчнаго отъ шелухи выдумки и личнаго творчества рапсода, побудили меня точно записать эти разсказы. Разсказъ о Канзѣ мнѣ приходилось встрѣтить въ литературѣ, но онъ приводился въ нѣсколько иныхъ вариантахъ, отличающихся болѣе экзотичностью, меньшей простотой формы, въ ущербъ элементу историческому, который меня заинтересовалъ наиболѣе въ инородческихъ бывальщинахъ.

Жилъ на Качѣ¹⁾ богатырь Иртошкинъ, у него были два коня, оба — вороные. Такіе кони были, что онъ на Абаканъ и на Казыръ²⁾ звѣровать ъздилъ; и сейчасъ въ тайгѣ слѣды его ъзды видны: завернутыя жгутомъ верхушкой внизъ березки.

Однажды былъ Иртошкинъ дома, всталъ утромъ, слышитъ — за Енисеемъ человѣкъ кричитъ, проситъ: переправь меня. Поѣхалъ на лодкѣ, переплылъ. Смотрѣть,—сидѣть дѣвица съ арагой³⁾; спросилъ ей: «откуда, чья?»—„Переплавь меня, я тамъ скажу». Переплавилъ ей, привель домой, сталъ потчивать, а она сама спервоначала потчуешь арагой и мужа и жену. Сама тоже пьетъ, а потомъ и говорить: «у насъ, говорить, ходятъ звѣри — семь волковъ сѣрыхъ, восьмой черный, лысый; скота нашего похищаютъ. Я — дочь Мoola. Шестьдесятъ—семьдесятъ лошадей загонялемъ, догнать не можемъ волковъ. Отецъ послалъ къ тебѣ, усердно просилъ, чтобы уступилъ ты своего меньшого воронка». Не даетъ. Дѣвица усердно кланяется, проситъ. Сталъ онъ давать потомъ старшаго воронка, пѣТЬ, она все просить меньшаго. Что сдѣлаешь, не могъ отказать, дастъ своего меньшаго воронка. Жена ужъ ревновать стала: «ты, должно быть, эту дѣвку замужъ взять хочешь, разъ свою меньшаго воронка даешь». Взялъ—все-таки отдалъ, она увела.

¹⁾ Рѣка Кача — притокъ Енисея; качинцы ко времени прихода русскихъ въ нынѣшнюю Енис. губ. жили, по преданію, на Качѣ въ окрестностяхъ нынѣшняго г. Красноярска.

²⁾ Абаканъ и Казыръ — притоки Енисея, южнѣе Качи.

³⁾ Арага — спиртной напитокъ, выкуриваемый изъ молока.

Привела девушка домой иртокшина воронка, мословъ сынъ сталъ на этомъ конѣ звѣрей гонять. Лошадь догоняетъ звѣря, онъ стрѣлить... мимо. Проскакиваетъ звѣри, коня задержать не можетъ, коня по головѣ бьетъ. Шесть—семь разъ догоняетъ, 6—7 разъ лошадь по головѣ бьетъ. Такъ онъ стрѣлялъ и не могъ въ тотъ день убить ни одного звѣря. Воротился домой, воронка привязалъ къ столбу, у Молода былъ конь хороший-каурый, вмѣстѣ ихъ къ столбу и привязали. У Молода сынъ говорить: однако, Иртокшина конь ночью уйдетъ, взялъ—надѣль ему на ноги пута желѣзныя въ 6 пудовъ: ну, теперь не уйдетъ. Была тутъ во дворѣ старуха какая-то, знала конскій языкъ; слышитъ,—на дворѣ кони разговариваютъ, отворила немнога дверь и слушаетъ. Иртокшина воронка говорить каурому:—я, говорить, догонялъ въ 6—7 мѣстахъ, у него—какъ стрѣлить—стрѣла все въ землю, а меня по головѣ плетью дереть; еслибы былъ мой Иртокшинъ, 8 звѣрей бы онъ въ 8 разъ стрѣлилъ. На завтра онъ, Молодовъ сынъ, опять погонитъ этихъ звѣрей и опять будетъ меня хлестать по глазамъ. Каурка, пойдемъ на мою землю! Тебя онъ билъ?—Билъ—говорить каурко.—Да онъ нась до смерти изобьетъ.—Прослышилъ эти слова каурко и радъ сталъ идти.

Взяли они, чумбуръ отвязали, пошли А воронку думаетъ (старуха слышитъ): на звѣрей наткнемся, каурку сѣдѣть,—онъ жирный, а меня оставять,—я сухой.

Идутъ ночью. Долго-ли коротко шли, эти звѣри попались имъ навстрѣчу. Семь волковъ разбѣжались, бросились на каурку, черному, лысому волку говорятъ: каурко жирный, давай его сѣдимъ. Этотъ черный, лысый волкъ говорить: «эхъ, братья, не зарьтесь на жирнаго каурка, пущай онъ остается живой; даромъ одни кости да одна шкура у воронка, его сѣдимте. Его живого оставимъ, когда-нибудь Иртокшинъ нась всѣхъ погубить на этомъ воронкѣ». Послушали семь братьевъ чернаго звѣря, разбѣжались, разорвали брюхо вороному; каурко побѣжалъ назадъ.

Иртокшинъ дома спалъ эту ночь, во снѣ приснилось ему: 8 волковъ младшему воронку брюхо разорвали. Не дождавшись свѣту, выскочилъ Иртокшинъ, на старшаго воронка сѣлъ, полетѣлъ. Добѣжалъ до Абакана, выскочилъ на Куню¹⁾, смотрѣть: звѣри на этой степи, на свое мѣсто бѣгутъ. Пустился. Немного времени прошло, догналъ ихъ—7 сѣрыхъ звѣрей 7 разъ стрѣлилъ, всѣхъ убилъ стрѣлой. Смотрѣть: черный звѣрь на той сторонѣ Абакана; онъ погнался за нимъ; не могъ уѣжжать черный звѣрь, бросился въ степь вверхъ по Абакану. На Сырахъ²⁾ онъ его стрѣлилъ: далеко было, стрѣла только шерсть захватила; тогда онъ говорить: пускай же эти рѣчки называются Сырамп (сыра—скользнуть). Потомъ на Базѣ догналъ, хотѣлъ затоптать, конь не могъ. Звѣрь обратился назадъ, ударился на Енисей, до тайги добѣжалъ, тутъ Иртокшинъ догналъ его, надо бы ему стрѣлить, а ему—охота поймать руками да мучить. Только хотѣлъ онъ руками схватить за шею, обернулся звѣрь да коню и разорвалъ брюхо. А все таки онъ его поймалъ. Конь пропалъ (т. е. издохъ), а со звѣря онъ съ живого шкуру содралъ. Иртокшинъ остался безъ коней, домой пришелъ пѣшимъ.

Родились эти звѣри такъ. Были старики со старухой, у нихъ дѣтей не было. Полѣзъ онъ по камнямъ къ турпаньему³⁾ гнѣзду доставать яйца. Глядѣть: яицъ нѣть, а лежитъ щененокъ маленький, бѣлый. Взялъ старики этого щенчишку, привезъ домой, кормить стала, имя далъ ему Ат-полызы-Уайкосъ-Агадай, выростилъ его вполнѣ. У этого старика стали давить скотъ два волка: волкъ и волчица. Кони у него хорошие, а догнать онъ этихъ звѣрей никакъ не можетъ; куда бы ни угиналъ ихъ, все къ нему возвращаются, скота давятъ. Однажды услышала его бѣлая собака, что ночью эти звѣри скота давятъ. Пустилась ихъ гнать; они—прочь. Эту ночь гнала ихъ собака, день насталъ, день гонить; они уѣжжать не могутъ, а собака все приближается. Цѣлый день еще гнала ихъ, вотъ ужъ близко, котораго нибудь схватить хочетъ. Волкъ и говоритъ ей: «не губи ты меня, силь нѣть; вотъ возьми мою жёнку, только оставь живого».

¹⁾ Куна—остроконечный холмъ на берегу Енисея, недалеко отъ впаденія Абакана.

²⁾ Большой, Средний и Малый Сыры, а также База—притоки Абакана.

³⁾ Турпанъ—крупная порода утокъ (Anas), гнѣздящаяся въ скалахъ.

Думаль бѣлый кобель, согласился: жену, если даешь, оставлю тебя живого. Остановился кобель, и звѣри остановились. Разговорились. Кобель взялъ волчицу, возвратился домой съ ней, а волкъ больше не возвращался, скота не давилъ. Возвратился къ хозяину бѣлый кобель, сталъ съ волчицей жить, и родились отъ нихъ эти 7 волковъ сѣрыхъ, восьмой черный, лысый.

Канза былъ сильный человѣкъ. Конь у него былъ мухортый. Онъ въ Кызыляхъ¹⁾ вместо царя былъ. Не сталъ русскому царю подати платить: не стану. Государь приказалъ заковать его какимъ ни есть образомъ, привезть въ Краснояръ. Никакъ его взять нельзя было — ни войскомъ, ни чѣмъ. Русскіе члены ухитрились такъ сдѣлать: разоставили по улусамъ волку. «Пускай пріѣдетъ Канза, пьетъ, мы съ него дань не требуемъ». Натыкался на это вино Канза, начинай пить. День пьетъ, два пьетъ, три, 4—5—6—7 дней пьетъ, на восьмую сутки свалился Канза — уснулъ. Русскіе члены пріѣхали, сонаго его взяли, увезли на Енисей. Плоть у него былъ приготовленъ, на плоть его положили, растянули, скобками всего заковали. Отплыли они нѣсколько, проснулся Канза. Видѣть: — закованъ, руки и ноги пошевелить не можетъ. Смотрѣть: — по надѣ берегомъ ходить сохатый (лось). — «Вы, говорить, отпустите мнѣ правую руку, я вамъ этого сохатаго своей стрѣлой застрѣлю». Они взяли, правую руку ему ослобонили, стрѣлу лукъ ему дали, онъ этой стрѣлой сохатаго убилъ. Пристали къ берегу. «Ступайте, говорить, снимайте шкуру, мясо сюда тащите». Весь народъ ушелъ. Тогда онъ всѣ скобки свободной рукой повыдергалъ, пришелъ къ нимъ, они только начинаютъ снимать шкуру со звѣря. Пособѣлъ снять, мясо-шкуру взялъ на плечо Канза, пошелъ на плоть. Положилъ. — «Ну, ступайте — говорить — съ Богомъ; эта шкура пусть сойдетъ за подати, а мясо отдайте правителю на закуску!» Самъ отправился домой.

Черезъ годъ эти члены опять разоставили вино по улусамъ — пускай Канза пить. Вино, понятно, — кабашное. Сами удалились. Натыкался на это вино Канза. «Буду — говорить — я пить, чего они со мной сдѣлаютъ». Пилъ до 7 сутокъ, опять свалился. Члены пріѣхали, взяли его вторично, такимъ же родомъ приковали. Проснулся онъ черезъ нѣсколько времени, видѣть: — вторично закованъ. Теперь ужъ его не отпускаютъ, и самъ знаетъ, что закованъ крѣнко, не отпустятъ. Плылъ такъ Канза и пѣсни пѣлъ. Про своихъ младшихъ братьевъ — Кагдыгашъ и Тигдибешъ пѣлъ Канза.

«На свободѣ, по міру ходилъ Канза, всѣмъ хороши былъ. А теперь въ бѣдѣ я вместо діавола. Ой, себя винить надо, Канза!

На привязанного коня кто не сядетъ, похмѣльного молодца кто не осилитъ! Съ сѣдломъ на коня кто не вскочитъ, пьяного парня кто не поймаеть!

Когда-то собирается мой Кагдыгашъ педтянуть ременную двойную подпругу, гдѣ ему пріѣхать! Съ желѣзнымъ стременемъ мой Тигдибешъ, когда онъ пріѣдетъ!»

Въ Краснояръ привезли, повѣсили Канзу. Померъ.

О Канзѣ же сохранился слѣдующій разсказъ.

У Канзы разъ отецъ-старикъ на дворѣ дрова рубилъ. Откуда ни явился молодой парень, подходитъ къ старику. Смотрѣть, — старикъ ударить топоромъ, топоръ весь въ лѣсину уходитъ. Онъ старика похлопалъ ладонью. «О-о, старикъ — говоритъ — молодой видно былъ, была видно сила въ тебѣ. Дѣдушка, давай поборемся!» Старикъ не отказался, началъ бороться съ молодымъ парнемъ. Парень поднялъ старика, бросилъ, земля загремѣла. Смотрѣть, — изъ юрты выходить человѣкъ — и смотрѣть на него страшно — (это самый этотъ Канза и былъ). «Кто это, говоритъ, старика, эдакого дряхлаго пня обижаетъ? Подходи-ка ко мнѣ, молодецъ». Молодой парень не знакомится, не подходитъ; спрашивается: это ты — Канза. — «Я». — Я съ тобой не могу бороться; если сдѣ-

¹⁾ Кызыльцы — инородч. племя, обитающее и нынѣ въ Ачинскомъ уѣздѣ, Енисейской губерніи, смежно съ качинцами и сагайцами.

ладъ неладно, извини.—«Ну, ладно, извиняю; только найди борца со мной бороться, а не найдешь, я тебя не отпущу». Молодой парень говорить: есть человѣкъ на Абаканѣ съ саврасымъ конемъ, койбальскій, имя—Ирчинѣкъ.

Побились обѣ закладъ Канза съ Ирчинѣкомъ, биться отложили. Только разъ сошлись они на свадьбѣ на Усть-Биджѣ, народъ просилъ ихъ бороться, они и согласились. Вывели ихъ на лугъ, постлали подъ нихъ кошемъ, спитыхъ въ три ряда. Но только кто-то изъ нихъ другого бросилъ, тотъ упалъ на бокъ, локтемъ въ землю ушелъ черезъ три кошмы на три четверти. Народъ испугался, разнялъ ихъ. Вторительно пмъ о закладъ бороться не удалось,—Канзу увезли въ Красноярскъ.

Ирчинѣкъ быль койбальскій богатырь, конь у него—саврасый, жилъ на Усть-Камыштѣ¹⁾). Подати никуда не платиль. Старшій братъ у него быль—Изэрѣкъ, такъ обыкновенный паренекъ, язышный такої (т. е. болтливый, пустомеля), безсильный. Была разъ свадьба. И прїѣхали какъ разъ въ это время монгольскіе, съ нихъ братъ дань захотѣли. Этотъ Изэрѣкъ на нихъ горячку поретъ, они ужъ серчать стали, собираются отдуть этого Изэрѣка. Вдругъ смотрять монголы, снизу народъ ёдетъ, между имъ человѣкъ ёдетъ на саврасомъ конѣ, видять: богатырь, и никогда они такого человѣка не видали. Изэрѣкъ увидаль народъ, еще пуще кричить; они ужъ ничего не говорять. Доѣхалъ народъ, а мужики какъ разъ въ это время съ порозомъ мучатся: колоть надо, а приспособиться сдѣлать это не могутъ. Слѣзаетъ Ирчинѣкъ съ коня, коня не привязываетъ, подошелъ къ мужикамъ, взялъ этого пороза за рога, голову пополамъ разорвалъ. Моолы эти испугались, сѣли на коней и уѣхали.

Ирчинѣкъ этотъ изъ Красноярска захватить коня и угонитъ, и никто ничего подѣлать съ нимъ не можетъ; воръ быль. Выхвалились два солдата, мы де Ирчинѣка убьемъ, пускай онъ скота уговорить побольше. Взяли они ружья—поѣхали; на тропѣ, гдѣ Ирчинѣкъ гонить скота, обогнали они его въ тайгѣ и виду ему не дали. Въ тайгѣ была ручейка, два солдата тутъ дождались. Скотъ спустился на водопой, напился, прошелъ тропой дальше. Ирчинѣкъ ёдетъ раздѣвши, нагой. Подѣхалъ къ ручейкѣ, конь пьетъ воду, день былъ жаркій. Приготовились эти два солдата, въ одинъ голосъ его шоркнули: стрѣльцы были не плохіе. Тутъ онъ и свалился. Два солдата возвратились, говорятъ: мы убили Ирчинѣка.—А чего вы съ него привезли?—Ничего не привезли.—Такъ врете вы, мошенники! Эти два солдата бросились назадъ, гдѣ свалился Ирчинѣкъ, руку отрѣзали да привезли показать въ Красноярскъ. Смѣрили: рука была въ три аршина.

У Южена конь быль мухортый, у сына (имя ему было Чапъ) конь быль соловой, а у самого силы много меныше отцовскаго было. Высваталь Юженъ за сына дочь у Моола, отправилъ отсюда, съ Абакана, сватовъ, свахъ, своего коня ёхать даль, самъ остался дома. У Моола въ то время конь рыжій быль со звѣздой, чужого рода Кѣтшь Бозрогата. Поѣхали, свадьбу сыграли. Моолъ отправляетъ дочь, подаетъ рыжаго коня дочери; боится онъ Южена—страшеный, зловредный человѣкъ! Боится на худомъ конѣ отправлять, а рыжій конь въ славѣ. Народъ подъ Куней, у трехъ камней, остановился охолодить лошадей. Мужики разговорились:—у Южена мухортый въ славѣ, у Моола—рыжка въ славѣ, давайте мы ихъ испытаемъ!—Посадили сѣдоковъ въ Усть-Еси, взадъ и впередъ. Пустили, рыжій пошелъ впереди. Кони убѣжали изъ виду, народъ на гору вышелъ. Смотрять: черезъ нѣсколько времени бѣгутъ назадъ; съ Усть-Камышты поднялись, невѣста увидала—у рыжки лобъ свѣтить, передомъ идетъ. Сюда до мѣста добѣжали, мухортый надавилъ, догналъ близко, а обогнать не могъ. Затѣмъ собрались и поѣхали на Сухую Ербу, гдѣ жилъ Юженъ.

Прїѣхали, Юженъ сталъ свадьбу играть. Только черезъ двое сутокъ Юженъ

¹⁾ Камышта—притокъ Абакана.

говорить:—«да, у Мoola рыжка — въ славѣ, здѣсь мухортый — въ славѣ, попробовать надо». А одинъ молодецъ и скажи: да мы ихъ пробовали: оть Камышты до Усть-Еси рыжка передомъ шелъ, ну, мухортый надавилъ, обогнать только не смогъ. Услышаль эти рѣчи Юженъ, ни слова не молвилъ, обернулся къ сундуку, спитъ. Монгольскіе сваты: «ну, ребята, дѣло не ладно! Страшенній, худой человѣкъ! Зачѣмъ было сказывать, хватимъ горя». Скоро собрались, уѣхали.

Юженъ просидѣлъ двое сутокъ, всталъ, говоритъ сыну:—да, у твоего тестя рыжка силенъ, оть моего мухортаго убѣжалъ. Ну-ка, сынокъ, собрайся, сами испытаемъ: у кого силы больше—у него или у насть.—Охъ, отецъ, сейчасъ взяли мы дочь, какъ мы воевать съ нимъ станемъ?—Тебѣ тестя жалко, уѣзжай, садись на соловка, выѣзжай въ степь, биться будемъ.—Дѣваться некуда, надо сѣдлать, биться съ отцомъ.—Выѣхали въ поле, Юженъ пустилъ коня въ махъ, убѣжалъ вонъ изъ вида, а сынъ остался въ полѣ. Черезъ нѣсколько времени смотрѣть сышь: идетъ дымъ столбомъ, мухортый бѣжитъ, земля дрожитъ. Юженъ саблю поднялъ wysoko, какъ добѣжалъ, ударилъ сына да мимо—землю разсѣкъ. Должно быть, пожалѣлъ. Домой воротился, собралъ войско, уѣхали съ сыномъ воевать съ Мoolомъ. Пріѣхалъ Юженъ съ войскомъ въ страну Мoolову, расположился на полѣ, не доѣзжая. Свата своего монгольскаго скота бѣть, колеть, єсть. Сватъ посыаетъ послана, почему онъ на полѣ расположился; если куда єдетъ, пусть заѣдетъ съ войскомъ: я здѣсь напою, накормлю народъ его. Посолъ эти рѣчи говоритъ Южену, а ему не нравится. Посолъ возвращается. На другой день єдутъ два послана, кланяются. Онъ не глядитъ, ни слова, скота колеть да єсть со своимъ народомъ. До семи дней каждый день Мoolъ посыпалъ, потомъ по три человѣка: слова не могли добиться. Тогда Мoolъ снарядилъ хорошихъ молодцевъ украдь ночью двухъ этихъ копей—мухортаго и рыжку. Хорошіе молодцы побѣхали ночью, увѣли коней. Мoolу нечего дѣлать, смѣлѣй сталъ; надо, говоритъ, воеваться. Собралъ войско, вышелъ противъ Южена. Эти на конѣ, а Юженъ съ сыномъ пѣшкомъ, и начали биться. Бились, бились, Южену черепъ съ головы сѣкли, съ головы мозгъ бѣгетъ на глаза, куда попало, а онъ утрется да бьется. Послѣ ужъ свалился. Сынъ подѣжалъ со слезами, сѣлъ на отца верхомъ, по изсѣченной головѣ бѣть: не слушаль отецъ моихъ словъ, ну, теперь каковъ! И ты пропалъ, и мнѣ тоже самое будеъ! Затѣмъ Мoolъ велѣлъ Южену грудь разрѣзать. Разрѣзали ему грудь, посмотрѣли сердце, а оно шерстью обросло. Мoolъ и говоритъ сыну Южена: «Юженъ—какой злодѣй, у него сердце въ шерсти, и ты такой же будешь, кобель!» Остервился Мoolъ, зять воеть—плачеть:—я не такой, честный, ослобони.—Не уважили просьбу, убили и зятя.

E. Яковлевъ.